

УДК 316.3

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СЕТЕВОГО ПОДХОДА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Н.Н. Равочкин

NETWORK APPROACH THEORY AND PRACTICE IN INTELLECTUAL HISTORY

N.N. Ravochkin

Аннотация. Рассматривается методологический потенциал сетевого подхода применительно к интеллектуальной истории. В статье показана сущность анализируемого подхода, выявлены его методологические особенности к изучению деятельности различных научных школ и направлений. Продемонстрировано использование данного подхода на кейсе Франкфуртской школы как одной из специфических магистралей современного социального поиска. Подробно изучаются идейные истоки, конституировавшие неоднородное учение франкфуртцев. Выявлен потенциал использования идей по отношению к раскрытию политико-правовой институциональной проблематики. В частности, раскрывается полемика М. Хоркхаймера и Т. Адорно, переработавших и адаптировавших многочисленные ментальные конструкции к реалиям современного мира. Обращено внимание на проективную направленность идей анализируемой школы, что позволяет увидеть реализацию не только теоретические, но и прикладные возможности результатов их интеллектуальной деятельности. Последовательное раскрытие концепции Э. Фромма открывает понимание современных социальных трансформаций, фундированных не прямыми, но манипулятивными практиками и передовыми технологиями. В следующем примере раскрывается логика негативной диалектики Т. Адорно, что также адекватно описаниям актуальных контекстуальных реалий, где признается высокая роль социальной активности индивидуальных акторов. В заключение работы подведены основные итоги исследования.

Abstract. The methodological potential of the network approach in relation to intellectual history is considered. The article shows the essence of the analyzed approach, reveals its methodological features in studying the activities of various scientific schools and trends. The use of this approach is demonstrated on the case of the Frankfurt School as one of the specific "highways" of modern social search. The ideological origins that constituted the heterogeneous teaching of the Frankfurters are studied in detail. The potential of using ideas in relation to the disclosure of political and legal institutional issues is revealed. In particular, the controversy between M. Horkheimer and T. Adorno who reworked and adapted numerous mental constructs to the realities of the modern world is revealed. Attention is drawn to the projective orientation of the ideas of the analyzed school, which makes it possible to see the implementation of not only theoretical but also applied possibilities of the results of their intellectual activity. Consistent disclosure of the concept of E. Fromm opens up an understanding of modern social transformations funded not by direct but by manipulative practices and advanced technologies. The following example reveals the logic of T. Adorno's negative dialectics, which is also adequate to the descriptions of actual contextual realities, where the high role of social activity of individual actors is recognized. In conclusion, the main results of the study are summed up.

Ключевые слова: интеллектуальная история, сетевой подход, идея, общество, культура, Франкфуртская школа, современность.

Keywords: intellectual history, network approach, idea, society, culture, Frankfurt School, modernity.

Известно, что сетевой подход к пониманию социальных феноменов любого характера предполагает изучение причин, контекстуальных условий бытийствования конкретных явлений в сложной структуре общественных связей и отношений, в том числе с другими схожими интеллектуальными объектами явлениями, причем как не только исторической ретроспективе, но и для комплексного теоретизирования в паре времен «настоящее – будущее». Развернутая репрезентация обоснования актуальности позволяет связать перечисленные причины и их последовательное продуктивное раскрытие в прикладном аспекте с положениями сетевого подхода, который открывает богатую панораму самой интеллектуальной истории и составляющим ее объектам, в первую очередь к многочисленным школам как институтам, одновременно выступающие в системе как объект и субъект.

Обратимся к аналитике сущности самого сетевого подхода и затем рисуем возможности его практического применения через наиболее популярный продукт интеллектуалов – идеи. Благодаря этому появляется инструмент, позволяющий через особенности явного или имплицитного воплощения ментальных конструктов в координатах социального бытия. В свою очередь это дает понять многогранную специфику деятельности индивидуального актора, отдельного направления или же вовсе целой школы (допуская приставки «нео-» и «пост-» по мере трансформации дискурса) на протяжении некоторого исторического этапа и выявления детерминационных и объяснительных возможностей конкретных идей и их модификаций.

Зарубежными и отечественными теоретиками неоднократно доказана эффективность изучения взаимоотношений между интеллектуалами и отдельными школами через попытки уложить сложностные системы связей между ними в ту или иную сеть, где через рассмотрение ее узлов и графов отчетливо видны формирование и динамика идей. Итак, исходный принцип сетевого подхода к пониманию интеллектуальной истории выражается в следующем положении: «Сеть представляет собой систему связей между элементами одного целого, где элементы являются узлами, а целое – системой. Сети являются сложным способом организации живых систем, в которых наименьшее количество звеньев равно трем, а наименьшее число связей – двум. Единая связь двух звеньев образует отношения. Таким образом, индивиды как элементы общественных отношений образуют узлы, а общество – систему» [6, с. 235]. Общий смысл этого положения наделяет интеллектуалов как отдельных субъектов приоритетным положением. Можно сказать, что в целом интенсификация взаимодействий между мыслителями и выход на новые идейные синтезы позволяют рассчитывать на научные достижения нового уровня. В свете происходящих социальных

метаморфоз настоящей эпохи и появления многочисленных, вплоть до самых неожиданных, векторов интеллектуального поиска применим сетевой подход к одному из самых неоднозначных направлений, а именно к Франкфуртской школе, представителям которой через формы сетевого взаимодействия и многообразные подходы удалось создать убедительный критический аппарат.

Начнем с того, что основоположники этого течения, неокантианцы Т. Адорно и М. Хоркхаймер, расходились в ответах на вопрос относительно места идей конкретных мыслителей и по поводу оснований их формирования. Так, М. Хоркхаймер придерживался положения об исторической контекстуализации продуцируемых идей и высказываемых интеллектуалами базисных положений. В общих чертах такой подход означает существование определенных условий, которые и определяют содержание идей, выработанных к тому же преимущественно в структуре буржуазного общества. Т. Адорно высказывал несколько иное утверждение, согласно которому ведущий принцип – это преемственность, во многом тождественная взглядам мыслителям эпоху глубокой Античности. На наш взгляд, основное различие в представленных положениях заключается в том, что (1) необходимо учитывать длительное существование интеллектуальной традиции, которая определяет специфику формирования когнитивных схем, или же (2) исторически обусловленные условия деятельности ученых. Обозначенное разногласие в первую очередь зависит от того, какие именно основания маркируются в качестве фундаментальных при понимании процессов генезиса, оформления и развития конкретных идей, что позднее позволит выявить перспективы их прикладного применения.

Также следует указать, что для обоих ученых конвенционально согласованным является принцип существующего влияния на конкретные идеи, но опять же разночтения вызваны истоками их продуцирования. Такое положение дел позволяет им обоим указывать, насколько те или иные идеи могут быть актуальны в современном обществе либо через синтез их ядерных смыслов с другими теоретическими конструктами оказаться востребованными и жизнеспособными при решении отдельных задач либо реагировании на новые вызовы. Именно здесь усматривается сходство взглядов обоих мыслителей по поводу обязательной включенности идей в структуры интеллектуальной истории всего человечества. Напомним, что разрешение рассмотренной дискуссии произошло при включении Хоркхаймером в свой методологический инструментарий концепции «государственного капитализма», позволившей сблизить взгляды основателей Франкфуртской школы [11]. Однако данный компромисс, достигнутый через взаимную критику принадлежащих к одной школе мыслителей, по сути, определял лишь конечный результат рассмотрения отдельного направления всей интеллектуальной деятельности этих ученых. Тем не менее, разделяемое ими новое видение идей маркировало общую тенденцию будущего развития Франкфуртской школы. Наконец, важно отметить, что при масштабировании рассмотрения интеллектуальной деятельности франкфуртцев их сеть так или иначе не изолирована, но в исторической

ретроспективе включена в многочисленные отношения, а сами основоположники испытали комплексное влияние предшественников и современников. Конечно же, нельзя не указать на априорный характер положения о фундаментации собственного интеллектуального поиска через заимствования уже каких-то вербализованных, пусть и адаптированных под актуальные реалии, идей, относящихся к ряду других теорий и концепций. Разумеется, в кейсе франкфуртцев видное место среди множества идейных источников занимают теоретические положения фрейдизма о высокой значимости бессознательного. Однако эти конструкты были переработаны, в результате чего франкфуртцы создали модификацию: принцип удовольствия подчиняет себе реальность, в итоге социум подчиняет себе человека.

Позднее представленная логика найдет свое воплощение в диалектической концепции Э. Фромма, придававшего большое значение психологическим факторам как детерминантам поведения человека. Более того, эти факторы, как правило, не (о)сознаются человеком, что ни в коей мере не снижает их высокую роль в формировании свойственных тому или иному человеку паттернов действий. Отмечая высокое значение идей З. Фрейда, нельзя не упомянуть два основания человеческой природы – эрос и танатос. При этом первый конструкт не заимствуется Э. Фроммом, настаивающем исключительно на разрушительной силе, движущей человеческим поведением. При определении смыслов актуальных социальных тенденций он выделяет ряд видов насилия, которые направлены против жизни и образуют палитру психических заболеваний. Именно эти заболевания и олицетворяют подлинное зло, творимое человеком в повседневной жизни [9, с. 30].

Среди наиболее значимых тенденций Э. Фромм выделяет некрофилию, нарциссизм и психологический симбиоз с матерью. Некрофилия, к примеру, представляет собой обращенную к прошлому психологическую установку, стремясь пережить заново наиболее яркие события. Он будет ориентироваться на психологическую силу, трактуя ее как способность превратить человека в труп. Любопытно, что некрофил делит людей на два типа – убийц и трупы – при этом он любит первых и ненавидит вторых. Человек, выбравший для себя сценарий некрофилии, функционирует в соответствии с модусом обладания, стремясь присваивать жизнь и эмоции других людей. Справедливость объективируется в правильном разделе имущества, а смерть становится единственной целью жизни [9]. К социально-политической сфере можно сформулировать вывод, что популярные для XX века тоталитарные режимы олицетворяют власть, базирующуюся на стремлениях к смерти и любви к мертвому: «Люди не боятся тотального уничтожения потому, что они не любят жизнь, или потому, что они безразличны по отношению к жизни, или даже потому, что многие испытывают влечение к мертвому» [9, с. 42–43].

Включение психоаналитических положений в понимание устройства социума расширяет привычные интерпретации общественно-политического устройства окружающей нас действительности. Можно говорить о том,

что через идеи Э. Фромма франкфуртцам удалось предложить концепцию, которая давала валидные описания происхождения тех тоталитарных обществ, свидетелями диалектики которых они непосредственно являлись. Здесь также можно полагать не только объяснительную и футурологическую функции их интеллектуальных конструктов, но и все чаще требуемое современным научным сообществом прикладное назначение философии, поскольку рассматриваемой школе удалось высветить возможности использования механизмов функционирования человеческой психики и отдельных мотивов при формировании социальных институтов. Кроме этого, укажем, что дистрибуция созданных Э. Фроммом теоретических конструктов запустила несколько функциональных цепей социальных идей, найдя свою рецепцию, в частности во взглядах В. Райха.

Интеллектуальная традиция франкфуртцев в целом заложила прочные основания для понимания новых форм принуждения и легитимации. Ранее в рамках политических наук в качестве витальной полагалась необходимость существования доминирующего класса как группы, способной к экономическому подчинению большинства и применению соответствующих форм властвования. Эта логика ярко выражена в первых масштабных проектах либерализма (Т. Гоббс, Дж. Локк), а в последующем нашла свое воплощение в работах институционалистов. Многие относящиеся сюда концепции признавали доминирующую роль разума как основания становления и преобразования определенных способов, технологий принуждения со стороны властных структур. Тем не менее франкфуртцам удалось обосновать мощную роль иррациональных средств, в частности психологических ресурсов властвования, что в итоге позволило осуществить трансформацию стратегий властного принуждения. Далее модификации разработанных интеллектуальных конструктов найдут свое воплощение в концепции симулякров Ж. Бодрийяра, теории биовласти М. Фуко и ряде других современных учений. В этом смысле можно утверждать, что Франкфуртская школа, понимаемая к тому же как сеть взаимодействующих между собой поколений мыслителей ученых, не находящихся в непосредственном контактировании, оказалась не просто интегрированной в интеллектуальную историю как коллективный актер, некритически усваивающий предшествующий опыт философствования, но как творческая структура, оказывающие влияние на последующие концепции и теории.

Действительно, анализ современной социальной практики все чаще подтверждает поворотный характер моментов в плане использования властью силовых ресурсов и технологий управления. Сегодня наиболее частым примером становится алгоритмизация поведения и манипулирование массовым сознанием с применением передовых средств медиакоммуникации, которые вне зависимости от эмпирического контекста и социального статуса субъектов способны оказывать определяющее влияние на формирование индивида и целых групп, конституируя образ мысли и мировоззрение. Действительно, все чаще ученые соглашались с тем, что «средства массовой информации – мощная сила

воздействия на сознание людей, средство оперативного донесения информации в разные уголки мира, наиболее эффективное средство влияния на эмоции человека, способное убеждать реципиента наилучшим образом» [10, с. 56]. Это можно объяснить тем, что сегодня средства массовой коммуникации стали полноправным социальным институтом, главная функция заключается именно в сборе и трансляции информации. Учитывая массив продуцируемой информации, самоочевидно, что большинство обывателей не способны критически реагировать на воспринимаемые потоки, вследствие чего медиа становятся буквально «четвертой властью», обретающей возможность эффективного влияния на сознание людей и осуществляемый ими выбор. Конъюнктура и культуральные особенности конкретного пространства позволяют властным акторам создать управляемую политическую среду и наиболее приемлемые формы мировоззрения и поведенческие паттерны населения людей, одобряющих имидж отдельных политических субъектов, принимаемых ими решений и целых структур.

В этом случае можно говорить о том, что медиа одновременно могут быть поняты и как создатели, и как каналы релевантной властным структурам коммуникации, и как «процесс передачи политической информации, который структурирует политическую деятельность и придает ей новое значение, формирует общественное мнение и политическую социализацию граждан с учетом их потребностей и интересов» [2, с. 64]. Представители социально-гуманитарных наук и междисциплинарных исследований солидаризируются в том, что эти средства категорируются исключительно как новый и саморазвивающийся ресурс реализации властных полномочий. Интегральное понимание медиа, которое предлагает философия, дает убедительные основания для описания изменений форм санкционирования властных структур в теоретико-методологическом и прикладном измерениях, причем вплоть до возможности формирования и поддерживания новых гибридных режимов, главным образом за счет использования технологических ресурсов и комбинаций дискурсов. Уместной представляется аналогия по поводу того, что медиадискурс и соответствующие ему коммуникационные процессы выступают и как перманентно формируемая реальность, и как поле битвы за ресурсы власти. Характерно, что при изучении связанных с властью структур современного общества активными и важными участниками становятся неполитические субъекты, влияние которых возрастает. Сюда можно отнести транснациональные компании, субъектов, имеющих прямое или косвенное отношение к Bigdata, гражданское общество, а также ряд других акторов.

Применение сетевого подхода к исследованию интеллектуальной деятельности Франкфуртской школы позволяет зафиксировать многочисленные факты динамики идей и изобразить многомерные модели влияния идей ее представителей на процессы социальных преобразований. Та же логика применения несиловых форм влияния активно используется большинством акторов, а по мере цифровизации мира наиболее продвинутым в технологическом плане странам и целым регионам удастся достигать необходимого

баланса в общественных отношениях и добиваться от конкретных субъектов желаемого поведения. Прокидывая дискурсивный мост к социальному, обратимся также к другому идейному наследию, переработанному и адаптированному Франкфуртской школой к современности. Здесь обращают на себя внимание теория отчуждения К. Маркса и критика идеологии Д. Лукача. Уже упомянутый Т. Адорно настаивал на первостепенном значении негативной диалектики, положения которой также обусловили возможности последовательного переосмысления сущности и функционирования государства. Начнем с того, что критическое отношение к идеологии заимствуется у Лукача, трактовавшего данный феномен в качестве самосознания определенного класса. При этом учитывалось, что стратификация на классы становится определяющей при реализации самой возможности идеологического воздействия на конкретных представителей. В частности, Д. Лукач полагал идеологию пролетариата как осознания рабочим себя в качестве субъекта и объекта. Субъектом он выступает тогда, когда полагает себя самостоятельным актором общественно-экономических отношений, а объектом лишь в тот момент, когда представляет себя получателем заработной платы, являющейся средством покупки индивида как товара. Любопытно, но такая диалектика, подкрепляемая идеей отчуждения К. Маркса, категоризируется как «позитивная», поскольку включает в себя возможность тотального сохранения устоявшегося порядка вещей через доминирование капиталистов и подчинение пролетариата [4].

Диагностируя метаморфозы общественно-экономических и политических условий существования человека в современном обществе, Т. Адорно стремился реализовать проект негативной диалектики, которая бы оказалась конгруэнтной наличным государственным формам через критическое отношение власти и всецело бы позволила разоблачить обман. Однако задуманная таким образом негативная диалектика привела Адорно к выводам о невозможности такой критики, поскольку действующий порядок вещей попросту оказывается вне ее. Причина усматривается в следующем: актуальное состояние социума, при котором традиционная диалектика угнетенных и доминирующих исчерпывает себя, реализуясь в совершенно иных формах: интеллигенция оказывается ответственной за производство знания, «которые используются для учреждения и легитимации сложившегося порядка» [5, с. 80]. Поэтому такие умозаключения скорее ориентируют нас на философию М. Фуко, явно предполагая трансфер непосредственных функций властных структур на контроль и управление жизненными потребностями.

На наш взгляд, негативная диалектика Т. Адорно определяет невозможность критики власти самой по себе, так как она реализуется не через запреты, императивы и ограничения, но находит свое воплощение в рекламе и жажде потребления. В дополнение к этому власть, пусть и становясь все менее очевидной для современных людей на фоне децентрализации традиционных государств и демонтаже архаизирующихся институтов, все же затрудняет

эмансипацию гражданина, делая ее практически невозможной, поскольку свобода уменьшается через популяризацию консюмеризма: «Высокий уровень потребления, облегчение тяжелого физического труда, увеличение свободного времени, которое тратится на развлечения, – все это дает основания говорить, что современное общество становится бесклассовым. Однако теория среднего класса скрывает тот факт, что сегодня субъектом истории остается буржуазия, ибо ее ценности стали универсальными» [5, с. 80–81].

Универсализация буржуазных ценностей и власть, основанная на непомерных бессмысленных тратах, создает новые основания классовой системы: отныне ее фундамент – это удовлетворенность субъекта полученными ресурсами. Власть же формирует себя на основании симуляции, вследствие чего государство становится способным лишь выразить себя и поддерживать себя символически, по сути, превращаясь в копию без оригинала. Негативная диалектика Адорно позволяет обществоведам осуществить комплексный анализ феноменов окружающей действительности и высказать идеи о неготовности полноценного противодействия современным формам властвования, поскольку протесты и революции в некоторых эмпирических контекстах оказываются лишь формами игры с властными структурами, ряд из которых на деле превратился в фикцию. Власть из принуждающих структур переходит в сознание человека, которое контролируется и регулируется действующими нормами системы. Принцип отчуждения в таком случае апеллирует не только к экономическому значению, но и к невозможности обладания знанием об отчуждении [7]. Выходит, идеология может быть интерпретирована как основание формирования социума, где тоталитарные практики обрели неоформы. Изменяются варианты влияния, основанные на идеологическом воздействии на человека, однако его содержание остается. Тоталитарное общество попросту принимает совершенно иные комбинации способов существования. Так, частная сфера, ранее считавшаяся сферой развлечения и досуга, оказывается коммерциализированной, а значит, любое воздействие на нее влечет за собой тоталитарные формы влияния.

Идеи Т. Адорно дают инструменты для определения перспектив развития как реализации самих властных способов воздействия на подчиняющегося субъекта, так и принципов борьбы с таковыми. Справедливо говорить о необходимости негативной диалектики как критической способности субъектов осознать свое место в структуре современного социума. Это направление интеллектуальной деятельности франкфуртцев открывает широкие возможности для выделения различных форм управления массами в современном обществе, что приводит к модернизации форм влияния и учреждению новых систем властных отношений. Еще одной прикладной формой реализации идей Франкфуртской школы становится методология оценки существования человека в обществе потребления. Начнем с того, что появившаяся в эпоху Просвещения рационалистическая система ценностей претерпела серьезные изменения в уже рассмотренных установках сверхрационализации консюмеризма и иррационального

подавления человека. На этот счет П.А. Водопьянов и И.Н. Сидоренко указывают на существование нескольких тенденций, которые можно реализовать в современном обществе. Первая из них связывается с необходимостью контроля за рационализацией человеческой природы, что, конечно же, неминуемо связывается с формированием тоталитаризма за ее ярко выраженный телеологизм и утверждение прогрессивного развития цивилизации как единственного сценария необходимостью признания прогрессивного развития цивилизации, что влечет за собой необходимость постоянного контроля за действиями социального субъекта. Это дает возможность достижения эффективного решения только на основании тотального контроля за участниками социального процесса [3].

Другая тенденция предполагает отказ от либеральных ценностей, что приводит к отказу людей от участия в гражданском обществе. Человек теряет гражданскую идентичность и утрачивает ресурсы для ее реализации. Социальная активность и личностная зрелость – вот неотъемлемые ресурсы индивида, наглядно доказывающие жизнеспособность теоретических положений о возрастании роли индивидуального актора в регулировании общественных процессов. В самом деле, на отдельную личность в современном мире зачастую возлагается ответственность за происходящие изменения, что неминуемо подразумевает участие отдельных людей в решении актуальных проблем [3; 8]. Однако социальная активность как «система знаний о социальной действительности <...> система сложных социальных навыков и умений взаимодействия, сценариев и моделей поведения в шаблонных социальных ситуациях, позволяющих обеспечить мгновенную адаптацию, быстро и конструктивно принимать решения, учитывая сложившуюся конъюнктуру» [8, с. 125] дает возможность формировать просоциальную активность участников социальных взаимодействий, формируя актуальную повестку дня их интеракции с государством. Социальная активность – это ресурс гражданской идентичности как коррелят намерений и действий субъектов, фундированный различными представлениями и когнитивных схемами по поводу реализации идеальных моделей общества, его аксиологических модусах, а также способностях акторов сохранять или видоизменять имеющиеся институты. Отказ от этих ценностей, сохранение и продвижение какого-либо передового опыта и ориентиров без адаптации к эмпирическим условиям почти наверняка повлечет за собой новые разногласия между индивидами и государством, ликвидируя тем самым шансы ряда участников на предусмотренные возможности управления государством, и породит новые конфликты [3; 8].

Оба представленных подхода изобилуют явными недостатками, однако их возможно снять через обращение к идейному наследию Франкфуртской школы, в рамках которого подчеркиваются возможности использования ресурсов деструктивного состояния сознания и репрессивных форм воздействия социальных условий. Негативная диалектика выступает здесь как практика самокритического мышления, позволяя отдавать предпочтение непосредственному восприятию мира через воплощение идей самоотречения [1]. Именно

в ней находится концепт деструктивного отношения сознания, позволяющий сохранить рациональность Просвещения, а также перенести его в область современных технологий социального бытия. Репрессивные формы социальных условий состоят, как мы показывали выше, в несиловых формах и методах принуждения современной власти общества потребления.

Подводя итоги исследования, укажем, что представленная работа является вкладом в многочисленные философские дискуссии по поводу общих и частных вопросов реализации сетевого подхода во взаимоотношениях между интеллектуалами в тот или иной исторический период. В результате проведенного анализа с использованием сетевого подхода интеллектуальная деятельность Франкфуртской школы была изучена в их взаимосвязях с предшественниками и современниками, а с учетом проективной обращенности результатов творческой деятельности может быть понята как социально обращенная активность конкретных мыслителей, вклад которых через продуцируемые идеи имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. Мы также увидели, что заимствование и критическая переработка идей ряда предшественников позволила представителям Франкфуртской школы сделать ряд выводов, посвященных формам политического взаимодействия, идеологическому контролю за человеком, изменению властных методов и принципов влияния, а также практикам персонального и коллективного бытия человека.

Как и любая сеть мыслителей, рассмотренное образование является подвижным и энергично развивающимся, поскольку в течение естественного хода истории происходит пополнение ее представителей младшими поколениями на фоне выбытия отдельных фигур. Сетевой подход позволяет увидеть взаимодействие франкфуртцев школы с другими научными концепциями и школами, хоть и обозначая ее видные позиции в структуре интеллектуальной истории современного нам общества, но говорить о полном прояснении ее роли все еще затруднительно, поскольку продуцируемые ими идеи, скорее всего, продолжат оказывать свое влияние на социальные условия в долгосрочной перспективе. Наконец, оправданность обращения к сетевому подходу для анализа интеллектуального творчества объединенных в различные институции индивидов не просто дает отвлеченное понимание динамики идей. Так, посредством использования лингвистических операций над высказываниями у научного сообщества появляется полное восприятие определенных идей как уникальных продуктов той или иной эпохи, оказывающих детерминационное и объяснительное воздействие в неоднородных между собой эмпирических контекстах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бронзино, Л. Ю. Критическая социология франкфуртской школы / Л. Ю. Бронзино. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2007. – № 3. – С. 52–67.
2. Виноградова, К. Е. Роль масс-медиа в политической системе общества / К. Е. Виноградова. – Текст : непосредственный // Журналистский ежегодник. – 2013. – № 2-1. – С. 64–67.

3. Водопьянов, П. А. Сверхрационализация и деструктивность общества потребления / П. А. Водопьянов, И. Н. Сидоренко. – Текст : непосредственный // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. – 2017. – № 2 (203). – С. 57–62.

4. Демченко, Л. М. Особенности концепции отчуждения в философии К. Маркса и Д. Лукача / Л. М. Демченко, Л. М. Масгутова. – Текст : непосредственный // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 1 (39). – С. 58–65.

5. Марков, Б. В. Незавершенная революция: политическая философия Франкфуртской школы / Б. В. Марков. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2018. – Т. 34. – № 1. – С. 79–90.

6. Соколова, А. С. Концепция сетевого общества в рамках цивилизационного подхода / А. С. Соколова. – Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – Т. 2. – № 4. – С. 234–242.

7. Ткаченко, О. С. Роль феномена отчуждения в историческом процессе становления общества (на основании работ Франкфуртской школы) / О. С. Ткаченко. – Текст : непосредственный // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 2. – С. 45–48.

8. Фомин, А. А. Социальная активность, гражданская идентичность и личностная зрелость как проявления гражданского мировосприятия молодежи / А. А. Фомин, А. И. Симанина. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы психологического знания. – 2015. – № 3 (36). – С. 123–135.

9. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. – М. : Республика, 1992. – 434 с. – Текст : непосредственный.

10. Философия средств массовой информации / З. С. Хабекирова, А. Р. Шхумишхова, З. К. Хачецукова, А. А. Калашаова. – Текст : непосредственный // Евразийский союз ученых. – 2020. – № 4-9 (73). – С. 55–58.

11. Шаблинский, А. И. Забытое наследие Хоркхаймера / А. И. Шаблинский. – Текст : непосредственный // Социологическое обозрение. – 2016. – Т. 15. – № 3. – С. 241–246.

REFERENCES

1. Bronzino L.Y. Kriticheskaya sotsiologiya frankfurtskoy shkoly [Critical Sociology of the Frankfurt School]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*, 2007, No. 3, pp. 52–67. (In Russian).

2. Vinogradova K.E. Rol' mass-media v politicheskoy sisteme obshchestva [The role of mass media in the political system of society]. *Zhurnalistskiy ezhegodnik = Journalistic Year book*, 2013, No. 2-1, pp. 64–67. (In Russian).

3. Vodopyanov P.A., Sidorenko I.N. Sverkhrazionalizatsiya i destruktivnost' obshchestva potrebleniya [Over-rationalization and destructiveness of the consumer society]. *Tруды БГТУ. Серия 6: История, философия = Proceedings of BSTU. Series 6: History, Philosophy*, 2017, No. 2 (203), pp. 57–62. (In Russian).

4. Demchenko L.M., Masgutova L.M. Osobennosti kontseptsii otchuzhdeniya v filosofii K. Marksa i D. Lukacha [Features of the concept of alienation in the philosophy of K. Marx and D. Lukács]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Orenburg State University*, 2005, No. 1 (39), pp. 58–65. (In Russian).

5. Markov B.V. Nezavershennaya revolyutsiya: politicheskaya filosofiya Frankfurtskoy shkoly [The Unfinished Revolution: The Political Philosophy of the Frankfurt School]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and conflictology*, 2018, vol. 34, No 1, pp. 79–90. (In Russian).

6. Sokolova A.S. Kontsepsiya setevogo obshchestva v ramkakh tsivilizatsionnogo podkhoda [The concept of a network society within the civilizational approach]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina = Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin*, 2015, vol. 2, No. 4, pp. 234–242. (In Russian).

7. Tkachenko O.S. Rol' fenomena otchuzhdeniya v istoricheskom protsesse stanovleniya obshchestva (na osnovanii rabot Frankfurtskoy shkoly) [The role of the phenomenon of alienation in the historical process of the formation of society (on the basis of the works of the Frankfurt School)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*, 2017, No. 2, pp. 45–48. (In Russian).

8. Fomin A.A., Simanina A.I. Sotsial'naya aktivnost', grazhdanskaya identichnost' i lichnostnaya zrelost' kak proyavleniya grazhdanskogo mirovospriyatiya molodezhi [Social activity, civic identity and personal maturity as manifestations of the civic worldview of young people]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya = Relevant Problems of Psychological Knowledge*, 2015, No. 3 (36), pp. 123–135. (In Russian).

9. Fromm E. *Dusha cheloveka* [The Soul of Man]. M., Respublika, 1992. 434 p.

10. Khabekirova Z.S., Shkhumishkhova A.R., Khachetsukova Z.K., Kalashova A.A. Filosofiya sredstv massovoy informatsii [Media Philosophy]. *Evrazijskiy soyuz uchenykh = Eurasian Union of Scientists*, 2020, No. 4-9 (73), pp. 55–58. (In Russian).

11. Shablinsky A.I. Zabytoye naslediyе Khorkkhaymera [Horkheimer's forgotten heritage]. *Sociological Review = Sociologicheskoe obozrenie*, 2016, vol. 15, No 3, pp. 241–246. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Равочкин, Н. Н. Теория и практика сетевого подхода в интеллектуальной истории / Н. Н. Равочкин. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 3. – С. 151–162.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ravochkin N. N. Network Approach Theory and Practice in Intellectual History / N. N. Ravochkin // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 3, pp. 151–162. (In Russian).